

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-1.7>

Соколова Наталья Игоревна

"ЯЗЫЧЕСКОЕ И СРЕДНЕВЕКОВОЕ РЕЛИГИОЗНОЕ ЧУВСТВО" М. АРНОЛЬДА В КОНТЕКСТЕ СПОРОВ ВИКТОРИАНСКОЙ ЭПОХИ

Эссе М. Арнольда "Языческое и средневековое религиозное чувство" (1864) является вкладом в полемику о преимуществах язычества и христианства. Ранним воплощением идеи эссе стало стихотворение "Покинутый водяной" (1849), где яркое подводное царство противопоставлено серому христианскому миру, которому отдает предпочтение героиня. Сопоставляя в эссе жизнерадостный гимн Адонису Феокрита с гимном святого Франциска, для которого мир преобразен духовным чувством, поэт считает возможным соединение двух мироощущений. Эссе в сжатом виде выражает присущее Арнольду стремление к обновлению христианской религии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/4-1/7.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 4(82). Ч. 1. С. 33-36. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

MUSICAL IMAGERY IN THE POETRY OF S. E. NELDIKHEN IN THE 1920S

Ryabova Mariya Viktorovna
Perm State Humanitarian-Pedagogical University
mary.saseva1508@yandex.ru

The article considers the originality of musical imagery in S. E. Neldikhen's poetry of the 1920s. Attention is focused on the images of musical instruments, their functioning in syllabo-tonic verse and in works having a unique synthetic form. The reasons for S. Neldikhen's appeal to musical images are comprehended; their role in the artistic structure of his works is studied. The specificity of the semantic content of the organ image is determined. The connection between the musical imagery and the synthetic form, the images of musical instruments and the philosophical views of the poet is traced.

Key words and phrases: S. E. Neldikhen; synthetic form; musical imagery; organ; accordion; parody.

УДК 820“19/20”

Дата поступления рукописи: 07.02.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-1.7>

Эссе М. Арнольда «Языческое и средневековое религиозное чувство» (1864) является вкладом в полемику о преимуществах язычества и христианства. Ранним воплощением идеи эссе стало стихотворение «Покинутый водяной» (1849), где яркое подводное царство противопоставлено серому христианскому миру, которому отдает предпочтение героиня. Сопоставляя в эссе жизнерадостный гимн Адонису Феокрита с гимном святого Франциска, для которого мир преобразен духовным чувством, поэт считает возможным соединение двух мироощущений. Эссе в сжатом виде выражает присущее Арнольду стремление к обновлению христианской религии.

Ключевые слова и фразы: М. Арнольд; викторианская эпоха; эссе; стихотворение; гимн; христианство; язычество; эллинизм.

Соколова Наталья Игоревна, д. филол. н., профессор
Московский педагогический государственный университет
sokol.n@list.ru

«ЯЗЫЧЕСКОЕ И СРЕДНЕВЕКОВОЕ РЕЛИГИОЗНОЕ ЧУВСТВО» М. АРНОЛЬДА В КОНТЕКСТЕ СПОРОВ ВИКТОРИАНСКОЙ ЭПОХИ

Эссе М. Арнольда «Языческое и средневековое религиозное чувство» (“Pagan and Medieval Religious Sentiment”, 1864) воспринимается в русле полемики, увлекавшей многих современников его автора. Среди наиболее часто обсуждаемых в викторианский период английской культуры можно назвать проблемы религии. По свидетельству С. Коллини, в этот период работа по истолкованию Библии могла стать бестселлером, а проповеди и богословские трактаты могли расходиться быстрее романов [15, p. 93]. В викторианской эстетике и литературной критике ведутся дискуссии о преимуществах христианского и языческого мироощущений, что Д. Д. де Лора объясняет немецким влиянием, популярностью идей Винкельмана, Шиллера и Гете периода «веймарского классицизма». По мысли ученого, восприятие их идей было обусловлено, с одной стороны, негативным отношением к аскетической христианской концепции личности, с другой – протестом против утилитаристской доктрины: «...в христианстве, получившем поддержку у викторианского среднего класса, было мало сладости и не было света, тогда как в новом рационализме и утилитаризме с его жестоким светом не было красоты, не было понимания богатства человеческой личности прошлого человека» [16, p. 169] (“sweetness and light”, «сладость и свет» – выражение Свифта из «Битвы книг», часто используемое Арнольдом в «Культуре и анархии»). Суждения могли принимать категорическую форму. Так, А. Ч. Суинберн, автор откровенно кощунственных стихотворений, в письме к У. М. Россетти заявлял о своем намерении написать работу об Афинах и Иерусалиме, в которых обнаруживал «два противоположных источника света и тьмы, свободы и рабства человеческой расы» [17, p. 56]. Эсхил, по его мнению, «величайший греческий поэт, был бы менее значителен, если бы он не был греком, тогда как Данте, величайший поэт христианства, был бы более великим, если бы не был христианином» [17, p. 56]. Т. Карлейль обнаруживал в язычестве «выражение искреннего ужаса человека перед Вселенной». Если язычество знаменует, прежде всего, природные процессы, то христианство является выражением «человеческого Долга, Нравственного закона Человека». Первое отвечает чувственной природе человека, второе – нравственной [14, p. 89].

Проблема соотношения христианства и язычества настойчиво звучит в работах Мэтью Арнольда. Поэт и публицист выражал негативное отношение к «механическому» следованию догматам христианства, не окрашенному подлинным чувством, без учета меняющихся обстоятельств. Резкое разграничение двух мироощущений обнаруживается уже в стихотворении «Покинутый водяной» (“The Forsaken Merman”),

вошедшем в первый поэтический сборник Арнольда 1849 года. Его сюжет основан на датской легенде [15, p. 78], позже опубликованной в книге Б. Торпа «Нордическая мифология» (1851). По легенде, Грета (Маргарет), девушка из бедной семьи, была увлечена на дно океана водяным, у них родилось пять детей. Грета «почти забыла христианскую веру», но однажды, услышав звук колокола, попросила у мужа разрешения побывать в церкви, на что получила согласие. Во время проповеди водяной трижды подходил к церкви и звал Грету, но она не откликнулась. Она поселилась с родителями и больше не возвращалась на дно моря, хотя из глубины до нее часто доносились плач и стоны водяного. В легенде лишь упоминается о том, что Грета слышала колокольный звон, когда держала младшего ребенка на коленях. Водяной, призывая ее вернуться, напоминал ей о детях, но она предоставила мужу самому заботиться о них [4, с. 104].

Воссоздавая этот сюжет, Арнольд вводит существенные детали, отсутствующие в легенде. Стихотворение написано в форме монолога водяного, который выходит на берег не один, а с детьми, что усиливает драматизм ситуации. Они вместе зовут Маргарет, и Водяной призывает детей позвать еще, ведь их голоса должны быть дороги слуху матери: “Children’s voices should be dear / (Call once more) to a mother’s ear” [13, p. 80]. На берегу ветрено, вздымаются волны, уподобленные белым коням, которые горячатся в брызгах пены, грызут удила. Белые стены города, серая церковь на холме, резкий холодный ветер создают ощущение неуютного холодного мира. В подводном царстве нет ветра, здесь мерцают отблески света, колышутся яркие водоросли. Здесь Маргарет сидела на красном с золотом троне в окружении семьи, расчесывая золотые волосы младшей дочери, пока не услышала колокольный звон. Этот мир героиня покинула, беспокоясь о том, что губит свою «бедную душу», находясь с водяным: “I lose my poor soul, Merman, here with thee” [Ibidem]. Сидя за ткацким станком, она радуется гудящей улице, играющему ребенку, колокольному звону, святому источнику, солнечным лучам и даже своей прялке. Но у Арнольда мир города и церкви противостоит природному началу и семейным связям. Если в легенде Грета забывает о детях, то у Арнольда героиня порой вздыхает и плачет, вспоминая странные холодные глаза и отблеск золотых волос маленькой русалки (“the cold strange eyes of a little Mermaid, / And the gleam of her golden hair” [Ibidem, p. 82]), оставаясь, однако, безучастной к призывам водяного и детей.

В стихотворении выражена доминирующая в поэзии Арнольда [15, p. 79] мысль об одиночестве, отчужденности людей. В легенде Грета возвращается к родителям. Арнольд не упоминает о ее родных или о каких-либо иных социальных связях. Даже в церкви она отделена от всех, ее глаза прикованы к молитвеннику, “her eyes were sealed to the holy book” [13, p. 82]. Обитатели водного мира, напротив, предстают в единстве друг с другом. Морские животные пасутся на влажных пастбищах, извивающиеся змеи сушат чешую на поверхности воды, огромные киты плывут, не смыкая глаз, – везде Арнольд употребляет множественное число, подчеркивая общность этих существ, сам водяной предстает только в окружении детей. Озабоченность состоянием души, христианском долге заставляет человека подавить в себе природное начало, обрекает его на одиночество. В языческом природном мире царит гармония.

Между тем Д. Д. де Лора справедливо отмечает близость взглядов Арнольда к ортодоксальному христианству [16, p. 93]. Это проявляется, прежде всего, в его отношении к морали. В эссе «Марк Аврелий» (1863) Арнольд утверждает, что «главная ценность религии в том, что она порождает мораль» [11, p. 209], особо выделяя при этом христианство: «...даже самые незначительные религии отличаются этим, но христианская вера демонстрирует это с беспримерным великолепием» [Ibidem]. Именно этого качества недостает, по Арнольду, античному миру. «Греки, – пишет он в “Культуре и анархии” (1869), – не заблуждались относительно идеи красоты, гармонии, целостного совершенства человека», но при этом они не учитывали нравственного начала. Его Арнольд обнаруживает у современников, у которых при этом отсутствует или неверно понята «идея красоты и гармонии и целостного совершенства человека» [8, p. 55].

Мысль о целостном совершенстве человека звучит в работе «К истории религии и философии в Германии» Генриха Гейне, идеи которого приобретают популярность в викторианской Англии. Немецкий поэт выступает с резкой критикой христианства, для которого «весь мир явлений, природа, изначально есть мир зла... Потому следует отречься от всех радостей жизни» [2, с. 27]. Гейне уподобляет христианство «заразной болезни», некогда распространившейся «по всей Римской империи» [Там же]. На севере Европы, по Гейне, христианство уничтожило пантеистическую веру, в согласии с которой «весь видимый мир был пронизан божественным началом, и место природы обожествленной заняла природа, пронизанная дьявольским началом» [Там же]. Идеал поэта – в восстановлении целостности личности: «Со временем, когда человечество вновь обретет свое здоровье, когда будет восстановлен мир между душой и телом и они вновь сольются друг с другом в первичной гармонии, тогда едва ли возможно будет даже понять искусственную вражду, созданную между ними христианством» [Там же, с. 28].

Как известно, Арнольд был одним из главных популяризаторов Гейне в Англии. Между тем он был не вполне согласен с поэтом в оценке христианства. В самом Гейне Арнольд обнаруживал двойственную природу. В эссе «Генрих Гейне» (1863) Арнольд утверждал, что восприятие немецкого поэта не будет целостным вне зависимости от его еврейского происхождения, обнаруживая в нем сочетание двух начал – «дух Греции» и «дух Иудеи», первый – по отношению к красоте, второй – к возвышенному. «В совершенстве литературной формы, в любви к ясности, в любви к красоте Гейне грек; в пронизательности, в непокорности, в его “стремлении к невыразимому” он иудей» [9, p. 121]. Целью человека в эллинизме, по Арнольду, является достижение ясности мысли, умения постигать сущность и красоту вещей, тогда как для иудаизма таковым

является «осознание греха, пробуждение чувства греховности» [8, р. 135-136]. Иудаизм «привел к ошибочному и неверному восприятию вещей» [Ibidem, р. 157]. Христианство, сосредоточенное исключительно на нравственном начале человека, воспринимается как «продолжение иудаизма», но оно утратило свою живую силу: «Мы придаем нашей вере характер механического, абсолютного закона» [Ibidem, р. 156]. По убеждению Арнольда, английский народ достиг такого уровня образованности, что стало возможным внушить ему «более философскую концепцию религии, чем существующая концепция христианства» [10, р. 373].

Разности двух мироощущений посвящено эссе Арнольда «Языческое и средневековое религиозное чувство». По признанию поэта, к написанию эссе его побудила статья из французского словаря. Ее автор писал о пороках, которыми наделяли язычники своих богов (пьянство, инцест, адюльтер и т.д.), что не могло не сказаться на моральном состоянии общества. Не находя, что нравственное состояние общества средневековой Европы было лучше, чем в Древнем Риме, Арнольд задумывается о сущности различий двух религиозных систем. Для сравнения он выбирает два текста: «Сиракузянки» Феокрита и «Гимн брату Солнцу» Франциска Ассизского, приводя собственный перевод обоих текстов. В первом гимн Адонису, который исполняет аргивянка, обрамляет беседа двух жительниц Сиракуз, Горго и Праксиной, которые собираются на праздник и позже, чтобы попасть в дом Птолемея, пробираются через толпу. Они жалуются на мужей, обсуждают обычные повседневные дела. По завершении «чудесного пения» аргивянки Горго торопится домой, потому что муж ее «еще не обедал», а он «презлой», когда голоден [5, с. 191].

Такое построение идиллии вызывает восторг Арнольда: «Это страница, только что вырванная из книги человеческой жизни. Какая свобода! Какая жизнь! Какая веселость! Какая естественность!» [12, р. 134]. И при этом «элементы религиозного чувства содержатся в прекрасном рассказе об Адонисе» [Ibidem], вошедшем в гимн. Его восхищает и миф об Адонисе с его символикой «вечного круговорота и гармонического единения жизни и смерти в природе» [1, с. 47]. В герое мифа Арнольд обнаруживает «эмблему жизненной силы и расцвета красоты, силы человеческой жизни и расцвета человеческой красоты, неизбежно стремящихся к гибели и в самой этой гибели находящихся “Hope, and a renovation without end”» [12, р. 136] («надежду и бесконечное обновление» – цитата из Феокрита в переводе Арнольда).

Но Арнольд задается вопросом: что будут делать героини идиллии в случае болезни или горестей, и на этот вопрос он не находит ответа: «Идеальная, веселая, чувственная языческая жизнь не знает болезни и огорчений» [Ibidem, р. 137]. Отмеченная Н. А. Чистяковой тенденция Феокрита преобразовать «поэтическое искусство в игру, обладающую способностью приносить успокоение, смирять душевные волнения и возвращать спокойствие духа» [7, с. 87-88] игнорируется Арнольдом, подчиняющим анализ текста собственной концепции. Языческая жизнь, по его уверению, апеллирует исключительно к чувствам и разуму (“sense and understanding”), что в конечном итоге вызывает «усталость и протест», «желание коренной перемены», «туч, бури, ливня и облегчения» [12, р. 137].

Иное отношение к жизни Арнольд обнаруживает в Италии XIII века, связывая его с появлением Франциска Ассизского, «фигуры высшей магической силы и обаяния» [Ibidem]. Главным достижением святого, по Арнольду, явилось то, что религия стала служить народу, он основал «самые популярные религиозные институты из когда-либо существовавших в Церкви», отправил монахов не в пустыню, но в толпу людей, чтобы «утешать их и творить добро». Этой цели отвечал и его «союз с бедностью», потому что «бедность и страдания» – удел большинства. И потому «он был услышан, как никто другой», его приветствовали толпы людей [Ibidem]. Признавая технические несовершенства, безыскусность языка, неровность ритма гимна солнцу Франциска, Арнольд называет его «созданием гения». Его популярность критик объясняет необходимостью для каждого человека найти «прибежище от страданий в своем сердце и воображении» [Ibidem, р. 139].

Гимн Феокрита отвечает чувству и разуму, гимн святого Франциска – сердцу и воображению (“heart and imagination”). Первый дает оценку миру с его внешней стороны, второй – с внутренней, символической. Языческий гимн видит в мире источник наслаждения, второй воспринимает его в целом, «дающим наслаждение и боль, но преобразованным силой духовного чувства, подчиненным закону сверхъестественной любви, обитающей в душе. Он способен сказать даже: “Praised be my Lord for *our sister, the death of the body*”, спасибо Богу за нашу сестру, смерть тела» [Ibidem, р. 135] (курсив Арнольда, цитирующего гимн святого Франциска. В переводе А. Ельчанинова: «За смерть телесную хвалю Тебя, Господь, / Сестру могучую...» [6, с. 335]).

Арнольд лишь упоминает о стигматах и о мучительных предсмертных страданиях святого Франциска, не говоря вовсе о чудесах, изложенных в легендах о нем, что вызывает критику Г. К. Честертона в адрес «рационалистических поклонников» святого, оказавшихся во власти «упрямых предрассудков скептиков» [Там же, с. 344, 345], причисляя к ним Арнольда и Ренана. Однако Арнольд сосредоточивает внимание на ином, утверждая, что человеческая природа не ограничивается лишь чувством и разумом или сердцем и воображением. Поэтому он считает закономерным, что на смену Средневековью приходит Ренессанс с его возвратом к «языческому духу», чему, в свою очередь противостоит Реформация Лютера. XIII век характеризуется «значительным поворотом в сторону чувства и разума», и лишь у Гейне Арнольд обнаруживает соединение двух начал: никто, как он, не дошел до «христианской крайности в подчинении сердцу и воображению разума и чувства», никто не превозносил «крайностей язычества с большим восторгом» [12, р. 141].

Однако Арнольд выражает несогласие с Гейне, в представлении которого средневековое христианство, проникнутое «мрачным духом того времени, отрицало всё сладостное и милое» [2, с. 32]. Взгляд немецкого поэта на Средневековье опровергает святой Франциск, для которого материальный мир был источником

восторга: «...его гимн выражает более сердечное ощущение счастья, даже в материальном мире, чем гимн Феокрита». Средневековье видит в духовном мире «такой богатый источник радости, что он выплескивается на материальный мир и преобразует его» [12, р. 144]. Арнольд признает, что в жизни Греции был период «высочайшей красоты и ценности», и эта страна стала для мира не менее значительной, чем Иудея. «Современная жизнь духа», по Арнольду, – это не чувства и разум, не сердце и воображение, но наделенный воображением разум, “*imaginative reason*” [Ibidem], объединяющий об начала. Истоки этого явления Арнольд обнаруживает у языческих и христианских поэтов прошлого – Симонида, Эхила, Софокла, у Данте и Шекспира. Их произведения отвечали и мыслительной способности, и религиозному чувству. Соединение двух начал в христианстве Арнольд считал возможным, выражая согласие с представлением о том, что в христианстве «западных наций больше от Платона и Аристотеля, чем от Иешуа и Давида» [Ibidem]. Д. Д. де Лора называет интерпретацию христианства у Арнольда «эстетической» [16, р. 208].

В сжатом виде эссе «Языческое и средневековое религиозное чувство» выражает стремление Арнольда к обновлению религии, к приспособлению христианской веры к новым условиям. В «Культуре и анархии» он вновь говорит о сочетании тенденций эллинизма и иудаизма в стремлении к человеческому идеалу, «гармонично совершенному во всех отношениях» [8, р. 160], что приведет к оживлению, обновлению христианства. Эссе интересно и другим. Оно побудило У. Пейтера, полностью согласного в оценке средневекового христианства с Гейне, написать в полемике с Арнольдом вошедший в «Ренессанс» очерк «Винкельман» [16, р. 206], где он не обнаруживает несовершенств в греческой религии, называя ее «одновременно блестящей, образцовой системой и циклом высоких поэтических представлений» [3, с. 315]. Эссе является одним из интересных проявлений идейно-эстетических споров в викторианской Англии.

Список источников

1. **Адонис** // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2-х т. / гл. ред. С. А. Токарев. Изд-е 2-е. М.: Советская энциклопедия, 1991. Т. 1. С. 46-48.
2. **Гейне Г.** К истории религии и философии в Германии. М.: Прогресс, 1994. 232 с.
3. **Пейтер У.** Ренессанс. Очерки искусства и поэзии. М.: Б.С.Г.-ПРЕСС, 2006. 399 с.
4. **Торп Б.** Нордическая мифология. М.: Вече, 2008. 197 с.
5. **Феокрит.** Сиракузянки, или Праздник Адониса // Гнедич Н. И. Стихотворения. М.: Советский писатель, 1956. С. 184-191.
6. **Цветочки святого Франциска Ассизского** / пер. с лат.; сост. И. Стогов. СПб.: Амфора, 2000. 446 с.
7. **Чистякова Н. А.** Эллинистическая поэзия: литература, традиции и фольклор. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1988. 176 с.
8. **Arnold M.** Culture and Anarchy. Cambridge – L. – N. Y. – Melbourne: Cambridge University Press, 1978. 380 p.
9. **Arnold M.** Heinrich Heine // Arnold M. Essays. L. – Toronto: Dent and Sons, 1924. P. 102-126.
10. **Arnold M.** Letters // Collected and Arranged by G. W. E. Russell: in 2 vol. L.: Macmillan & Co., 1895. Vol. 1.
11. **Arnold M.** Marcus Aurelis // Arnold M. Essays. L. – Toronto: Dent and Sons, 1924. P. 186-209.
12. **Arnold M.** Pagan and Medieval Religious Sentiment // Arnold M. Essays. L. – Toronto: Dent and Sons, 1924. P. 121-146.
13. **Arnold M.** The Forsaken Merman // Arnold M. The Works. Hertfordshire: Wordsworth Editions, Ltd., 1995. P. 80-83.
14. **Carlyle T.** Lectures on Heroes, Hero – Worship and the Heroic in History. Oxford: Clarendon Press, 1925. 256 p.
15. **Collini S.** Arnold. Oxford – N. Y.: Oxford University Press, 1988. 127 p.
16. **Laura D. J. de.** Hebrew and Hellene in Victorian England (Newman, Arnold and Pater). Austin – L.: University of Texas Press, 1969. 370 p.
17. **Swinburne A. C.** Letters: in 6 vol. New Haven, 1859. Vol. III. 335 p.

“PAGAN AND MEDIEVAL RELIGIOUS SENTIMENT” BY M. ARNOLD IN THE CONTEXT OF DISPUTES OF THE VICTORIAN ERA

Sokolova Natal'ya Igorevna, Doctor in Philology, Professor
Moscow State University of Education
sokol.n@list.ru

M. Arnold's essay “Pagan and Medieval Religious Sentiment” (1864) is a contribution to polemics about the advantages of paganism and Christianity. The earliest embodiment of the idea of the essay was the poem “The Forsaken Merman” (1849), where the bright underwater kingdom is opposed to the gray Christian world, which the heroine prefers. Comparing in the essay the cheerful hymn to Adonis by Theocritus with the hymn of St. Francis, for whom the world is transformed by spiritual feeling, the poet considers it possible for a combination of two world attitudes. The essay in a short form expresses Arnold's desire to renew the Christian religion.

Key words and phrases: M. Arnold; the Victorian era; essay; poem; hymn; Christianity; paganism; Hellenism.